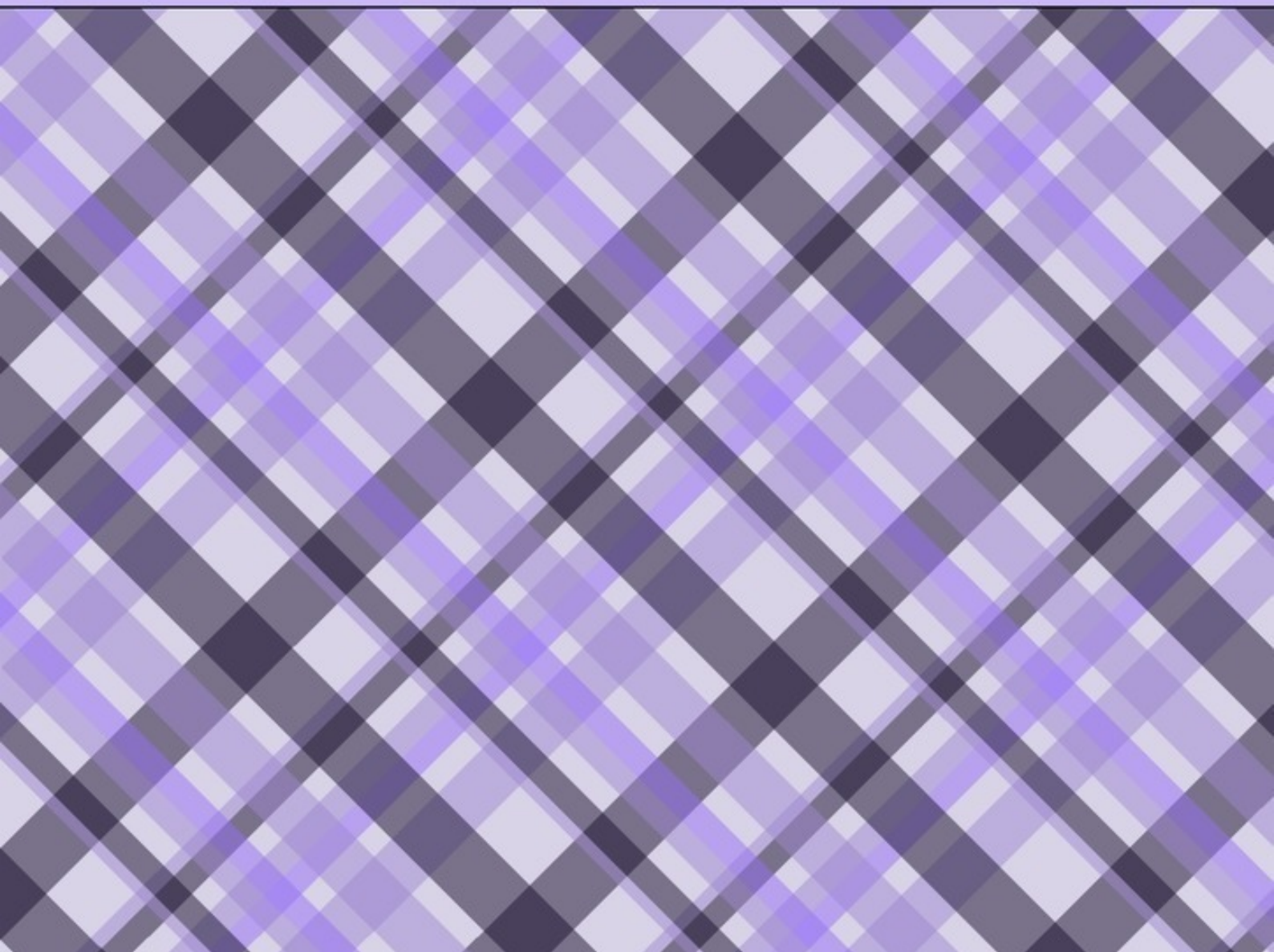

Александр Беляев

Прикосновение

эссе

Александр Беляев

Прикосновение. Эссе

«Издательские решения»

Беляев А.

Прикосновение. Эссе / А. Беляев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835751-0

Это эссе было написано в середине восьмидесятых годов в пору бурного увлечения автора эзотерикой. В нем анализируются причудливые переплетения феноменального и ноуменального, излагается мистический опыт автора.

ISBN 978-5-44-835751-0

© Беляев А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Зов	6
1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**Прикосновение
Эссе
Александр Беляев**

© Александр Беляев, 2016

ISBN 978-5-4483-5751-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Зов

1

«Для чего я появился на свет, куда я иду»? Начинает колоть неизвестностью на определенном жизненном рубеже. Кольнет – и отпустит: «Туда же, куда и все, куда все человечество». Но однажды со всей мучительностью осознаешь, что этой отговоркой успокаивают себя если не все, то большинство, что человечество подобно толпе бредущих в сумерках, где каждый является ведомым и ведущим, где ориентиром является плечо впереди идущего, который держится за следующее плечо – и так до бесконечности, что никто не видит всей Дороги, и если авангард и способен разглядеть ближайшие 100 метров, то – куда она ведет, и что там за горным кряжем или даже за поворотом – понятия не имеет, хотя делает вид, что это ему известно. Что для большинства увидеть землю под ногами – и то проблема, чаще всего – лишь спина впереди маячащая – ясная цель.

Как говорил один индийский мудрец: «Нелепо думать, будто бы толпа знает, куда идет – она идет потому, что каждый думает – куда все – туда и я».

Но остается дорога, и лишь орел, в синеве парящий, хорошо видит, куда она ведет на много десятков километров, и что там впереди: земля обетованная, лестница в небо или бездонная пропасть.

Но что может орел, пусть даже его увидит задревший голову, как расскажет он о далях, ему открывшихся, если человек не знает его языка, если он никогда не видел мир с высоты и не владеет понятиями в вышине парящего, если удел человека – земля под ногами, спина ведущего, рука ведомого, и дошедшие по цепочке искаженные впечатления первых рядов?

«... Я выступал впереди шествия, зная, что и другие пойдут за мной. Мы блуждали по темным лесам, прошли долины и вспаханные нивы. Шествие было длинным, как вечность.

Когда мы вывели шествие на берег тихой реки, только тогда его конец показался из-за темного бора.

– Река! – кричали мы. Те, которые были ближе, повторяли «Река, Река»! А те, кто были в поле, кричали «Поле! Поле»! Идущие сзади «Поле, река, река». «Мы видим лес», – говорили они, и не знали, что находятся в хвосте шествия (К. М. Чюрленис. Запись в альбоме).

И все же неправильно было бы обвинить человечество в том, что Великому Пути через леса, поля, горы и реки, человек обретает знание окружающего мира (правильнее – близлежащего), но не Дороги в целом: мир идущего через лес представляется ему лесом, идущего через поле – полем, из этих отрывочных впечатлений складывается картина кусочка бытия, некоторых элементов, его составляющих. Мы накапливаем опыт, делимся впечатлениями, но все равно: для идущего по лесу реальность – прежде всего лес, а остальное – абстракция, ему сообщаемая, сродни фантазиям, хотя он вполне вправе допустить, что реальность может включать в себя и нечто им неизведанное. Но если представить наше восприятие мира сузившимся до восприятия мира атомов? Тогда лишь мир атомов для нас – подлинная реальность, а макромир становится чем-то чисто теоретическим, его можно даже изучать, пользуясь косвенными данными, как астрономы изучают космос, но не более того. И знания наши будут подобны знанию о звездном небе: оно слишком необъятно, слишком за сферой наших конкретных интересов, а весь иной уровень реальности совершенно невозможно охватить сознанием, как цельное качество. Наш мозг не в силах охватить реальность вселенной, хотя с позиций объективной истины она столь же реальна, как наш социум, биосфера, любой простой и сложный предмет. Если же мы представим себе наши космические путешествия к другим планетам, то это все

равно будут путешествия в макро-мире привычной реальности, знакомых аналогий. Как раз – тот случай, когда размер имеет значение.

Большинство людей мыслящих рано или поздно начинают не удовлетворяться тем, что их окружает: служебным положением, домом, семьей, воспитанием детей, накоплением материальных благ. Иногда мучительной уверенностью пронзает: бессмысленно! Для чего весь этот круговорот? Я рождаюсь, вырастаю и старюсь только для того. Чтобы родить и растить детей, которые, как и я будут расти и стариться, поступать сходным образом, повторять те же ошибки, что и я, хоть и с клеймом своей эпохи, чтобы в конце концов прийти к тому же мучительному рубежу: все бессмысленно. А следующее поколение ждет такая же участь.

Это ощущение начинает беспокоить все чаще и чаще, иногда его удается на время заглушить погоней за мнимыми ценностями: земным успехом, чинами, материальным благополучием, властью. Вся история человечества – это Великое бегство от Великого Зова: как знать, что влекло Александра и Юлия Цезаря на завоевание новых земель? Но оказывается, что даже самое ценное в нашей жизни – любовь: любовь мужчины и женщины, любовь матери и ребенка, любовь к родной земле оказывается чем-то зыбким и неустойчивым, постоянно разочаровывающим и ускользающим при попытке понять рациональным умом – что же это такое.

Очевидно наша беда в том, что мы привыкли к конкретности форм, нам нужно определение. Мы знаем (как нам кажется), что такое стол, дом, страна, океан, земля. Мы привыкли, что все в этом мире имеет свое место, цель, назначение. Оно должно укладываться в нашу человеческую логику, с ясным законом причинности, и если какие-то категории бытия противоречат нашим предметным представлениям, не находят оправдания и места, не увязываются с привычными понятиями, то они смущают разум, вызывают враждебность, либо тоску и ощущение собственной ничтожности. Жесткий каркас понятий о том, что есть истина начинает трещать и рушится, приходит понимание того, что наше представление о мире, как об участке пути, по которому мы сейчас бредем со своими близкими – ничтожно, что ценности логическим звеном включенные в это наше представление о действительности, казавшиеся незыблемыми, оказываются мелкими и не заслуживающими внимания.

Стоит лишь остановиться после очередной должностной победы, после нового приобретения и задуматься: зачем? – и снова вспыхивает и жжет каленым железом извечное «бессмысленно»! И мы бежим от него в новое предприятие, понимая, что остановка – это мука, надо сделать то, завоевать это – и так проходит жизнь.

Казалось бы: зачем мне знать ландшафт за лесом, ведь (как мне кажется) муравей вполне удовлетворен тем, что делает, не задумываясь о высшем назначении муравейника. Казалось бы: сыт. Обут, семья, дети, развлечения, часть желаний вполне можно удовлетворить: пусть о смысле бытия думает какой-нибудь Гаутама или Гегель! Но нет, не уйти от вопроса, не отмахнуться, как от назойливой мухи.

И однажды осознаешь, что это «нечто» – Зов Пути, зов другого представления о мире, о реальности, зов, поднявший орла в небо и позволивший увидеть мир бесконечно шире, чем видят его по дороге бредущие, что если бы ни этот Зов Пути. То люди бы не сдвинулись с места и не стали бы людьми.

Со временем возникают другие искусственные доминанты, кажется, зовет совсем другое, земное, вполне конкретное. Но нечто над нами могущественно, оно не дает окончательно погрязнуть в круговерти суеты, оно мучает, не позволяет успокоиться и однажды выводит на дорогу осмысления Великого Пути, открывая новые, невиданные горизонты, где цель – Бесконечность. Правда основное большинство до конца дней своих подавляет этот Зов все новыми и новыми рубежами, дурманом денег и власти, заливая его алкоголем, травит наркотиками.

Для чего я пишу эту книгу? Нужен ли мой голос в хоре Великих и менее великих учителей вперемешку с сумасшедшими, заблуждающимися и откровенными дезинформаторами? Разве людям не достаточно мудрости Ветхого и Нового заветов, Типитаки Упанишад или

Корана? С их многочисленными комментариями? Разве можно сравнить мой голос с голосом Христа или Будды? Его же никто не услышит! Но контрвопрос: кто сегодня услышит реального Христа, человека жившего 2 тысячелетия назад и обращавшегося к своим современникам, снизошедшего до их понятий о реальности и мире, с голосом, искаженным бесчисленными домыслами, трактовками и комментариями.

Чему могу научить я, не претендующий на ступень человеко-бога и звание учителя? Но может быть обращение современника к современникам имеет самостоятельную ценность? Может быть опыт человека, наделенного от рождения средними способностями, но прошедшего сложный противоречивый отрезок Великого Пути более понятен простому смертному, чем загадки ставших легендами Будды и Христа? Может он ближе моему собеседнику, чем молчание какого-нибудь индийского йога, вроде Раманы Махарши, уже в 17 лет погружавшегося в глубочайшие трансцендентальные состояния, где исчезает «Я-личность» и проявляется «Я – Все»?

2

Когда это начинается, что это? Может быть в каждом, глубоко в подсознании живет память парящего в небе и не дает успокоиться в серой обыденности. Быть может уверенность сна «я умею летать» основана на собственном забытом опыте, на неосознанном «когда-то я летал».

Не хочу ничего утверждать, примите это, как гипотезу, но Зов слышен уже в первом крике младенца. Быть может, его постоянный плач связан не столько с внешним дискомфортом, сколько с необычностью и непривычностью его нового положения, быть может, его почти двадцатичасовой сон с короткими промежутками для кормления – это невозможность и нежелание долго находиться в таком непривычном и неудобном в мире плотных форм, быть связанным такой помехой, как еще беспомощное, но не отпускающее на свободу тело. Сон ребенка – не столько отдых, сколько попытка вернуться в привычное состояние тонкого плана, в состояние довоплощенной души. Но все больше и больше ограничений накладывает плоть, все больше и больше «Я» маленького человека связывается с его ручками, ножками, первыми примитивными, но сильными желаниями.

Все чаще и чаще он противопоставляет себя окружающему миру. Наступает видимость затухания Зова, освоение внешнего мира, укрепление сознания в его преобладающей реальности, а со временем – формирование мнения о нем, как о единственной реальности. Пугающая непонятность первоначального Зова (хотя в этом периоде – весь мир загадка) постепенно угасает, появляются новые доминанты, внешний мир, все более познаваясь еще глубже погружает в себя. Тело осваивается, оно уже не только источник мук, но и удовольствий, появляются первые обманчивые перспективы какого-то понимания новой бытности, идет обучение. Зов ослабевает, трансформируется, но никогда полностью не исчезает. Вырастающий ребенок, пытающийся все себе объяснить, одевает его в земные одежды, первоначальность Зова становится почти неуловимой и воспринимается, как нечто данное.

На каком-то этапе, когда острота проблем освоения внешнего мира притупляется и актуальность познания окружающего мира не то, что теряется, но становится обыденностью, приходит новая фаза трансформации Зова: погружение ребенка в мир фантазии (у разных детей это может проявляться по-разному): ребенок начинает воображать себя кем угодно: мышкой, зайцем, Винни пухом, помещает себя в мир сказок, в фантастический мир игры.

В некоторых случаях то, что мы называем воображением настолько сильно. Что утрачивается интерес к физическому миру, грезы принимают форму галлюцинаторности, практикуются своего рода спонтанные медитации, в исключительных случаях вводящие в трансцендентальные состояния. Один мой знакомый примерно так описывал свое «Самадхи», пережитое в возрасте 4—5 лет.

Однажды ночью, когда его сознание находилось в каком-то трансформированном состоянии, и внешний мир не столь довлел над реакциями, проснувшись, он ощутил странное, напугавшее тогда своей совершенной необычностью состояние. Он увидел звездное небо, а затем почувствовал себя растворяющимся в нем: происходило странное угасание личности, «Я», связанного с телом, умом и эмоциями, памятью и все большее проникновение его во все сущее. Не было во вселенной атома, который не был бы «им», его «Я» было во всем, и, возможно трансформируясь через какой-то оставшийся участок не выключенного детского сознания. Держалось ощущение, что теперь никуда не надо идти, чтобы завладеть каким-то предметом: он (предмет) – это я. И земное бытие бессмысленно, так как растворились рамки конечного, исчез принцип «не я» объекта.

Естественно, что это небывалое впечатление, наложившееся на неподготовленное, но одновременно достаточно утвердившееся в земном детском восприятие привело к страху,

к желанию как можно скорее уйти из этого состояния, вернуться в привычный мир с отчетливостью понятий Я – он, субъект – объект.

– В дальнейшем, – говорил мой знакомый, – я все бы на свете отдал, чтобы еще раз вернуться «туда», в нечто, которое и описать-то адекватно невозможно ничем, кроме той куцей схемы, которую я привел, но, несмотря на глубокие медитации, которыми он много лет занимался, подобных состояний больше не возникало.

Разные формы может проявлять Зов в проявлениях детской психики, порой это – необычность обычного. Отблеск стекляшки, запах смолистой почки или утренняя свежесть прикосновения ветерка могут произвести переворот в сознании. Казалось бы, нет в этом ничего «небесного», однако, по-видимому, врывается в сознание не обыденное привычное земного явления, а смутное ощущение – есть нечто за этим, невообразимое, бесконечно прекрасное, неизмеримо более важное, чем видимое и слышимое.

В свое время несколько видоизменив гриновское понятие «несбывшегося». Я назвал это «несбыточным». Именно смутное и неоформленное ощущение того, что миг осознания какого-то явления, предмета, запаха, отблеска, ощущения (более придуманный, чем реальный), отгороженный непреодолимым барьером «Я» и «Оно», не дающим в себе раствориться, стать розовой зарей и благоуханным утром – именно несформированное понимание невозможности остановить прекрасное мгновение, сделать вечностью все дивно мимолетное, уносящееся, несмотря на почти не изменившуюся реальность – все то, во что облачается Зов в это мгновение, и составляет наше несбыточное, прекрасное как раз своей неопределенностью и невозможностью назвать «это», придать ему какую-то конкретную форму.

Есть и другие трансформации Зова в период раннего детства. У моей бывшей жены был достаточно редкий дар, современной науке известный, как эдейтизм. Это способность видеть внутренним взором красочные, удивительно реальные статичные и динамические изображения, столь же отчетливые, как и реальность внешнего мира. Они разворачивались независимо от ее сознания и памяти: ей как будто показывали кино: всегда новое, с незнакомым сюжетом, иногда – многосерийное, с перерывами от видений к видению. Этот мир видений обладал для нее чуть ли не большей реальностью, чем внешний. Она могла часами сидеть с остекленевшим взором (что, разумеется, страшно беспокоило ничего не подозревающих родителей), погруженная в пространственно-временные путешествия. Такая спонтанная медитация была ее второй жизнью, ее она предпочитала играм и ссорам со своими сверстниками. В дальнейшем, чтобы не быть белой вороной, ей пришлось буквально насильно включить себя в круговерть внешних событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.